

ИВАН СКУЛЕНКО – СТАРЕЙШИЙ ЭКСКУРСОВОД КИЕВА

И.М.Скуленко среди сослуживцев.

Еще с моего раннего детства

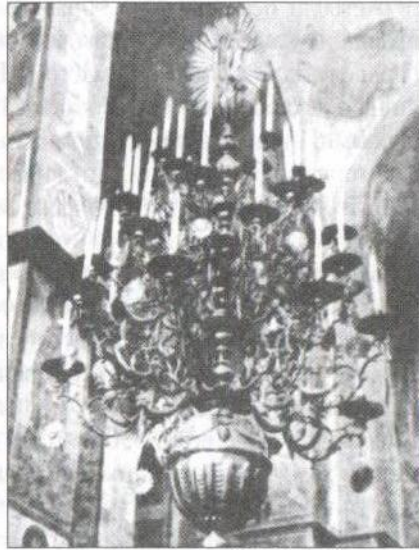
помню квартиру И.М.Скуленко, его громкий смех, крики, когда его жена Ксения Иосифовна, родная сестра моего дедушки Александра Киркевича, ходила не той картой в преферансе, который был основным увлечением интелли-

генции в первое десятилетие после войны. В этом рассказе о репрессированном краеведе, первом директоре “Софийского заповедника” и профессиональном экскурсоводе Киева позволю использовать внешне легкомысленный стиль Ивана Михайловича, который я перенял, являясь родственником и учеником. Недопустимо в рассказе о Скуленко применить чуждую ему “казенно-назидательную мораль”. Ему и так от нее досталось!

Три десятилетия тому, в “зале ожидания” групп Киевского экскурсионного бюро разгорелся спор о количестве “Лысых гор” в нашем городе. Я заявил, что пять. Со мной не согласились. Тут входит Иван Михайлович, все к нему: “Рассудите нас, этот молодой человек утверждает, что их пять!”. “А, Виктор! Как он говорит, так оно и есть”. С тех пор, я стараюсь не уронить значение дядиных слов, сообщая только проверенные факты. Как-то с известным режиссером Валентином Соколовским зашел к нему с предложением написать сценарий фильма. Иван Михайлович тогда заявил: “В любом произведении, будь то повесть или экскурсия, должна присутствовать идея, ощущаться польза, что-то должно остаться в памяти у читателя или слушателя”. И это утверждение стало основополагающим в моем творчестве.

В 1972 году когда я занимался на курсах экскурсоводов, то к нам приглашали на лекции Скуленко, так как сложилось мнение, что никто не знал Киев лучше его. Все без исключения, заслушивались рассказами Ивана Михайловича о любимом городе, с присущими ему шутками, оригинальными поговорками. Повествуя экскурсоводам о малонаселенности Дарницы XVIII века, приводит слова протопопа И.Лукиянова, который характеризует хозяйку расположенной в тех местах корчмы - "курва". Услышав это слово, зал вздрогнул, а дамы, подняв голову, и вопросительно посмотрев на докладчика... Дядя: "Пишите, пишите. Поп писал и вам можно!" Или его часто употребляемое выражение "Я не лъсцал, не лъсцу и лъсцать не буду, но вы мне нравитесь!".

Цетральное паникадило XVIII в.
Почтовая карточка 1918 г.

Скуленко с первых послевоенных лет проводил экскурсии, а после образования общества "Знание" или Киевского бюро путешествий и экскурсий стал там постоянным экскурсоводом, рассказывая о городе местным жителям, чаще всего по-украински, с мягким полтавским диалектом. Дядя - непревзойденный авторитет по истории города.

В конце 1970-х годов нельзя было проводить массовые встречи, не посвященные идеологически выдержанным датам. Когда в 1980 году был основан Клуб киевоведов, то я не упускал случая пригласить Ивана Михайловича для выступления. Как ведущий объявлял тему так: "К 38-летию освобождения Киева от немецко-фашистских оккупантов. Встреча с участником взятия города, ветераном гвардейской армии генерала Рыбалко И.М.Скуленко". Иван Михайлович надевал боевые награды, приходил, принимал цветы и беседовал о Киеве. Он садился посреди небольшой сцены, облокотившись на палку и рассказывал то, о чем знал только он.

Статьи И.М.Скуленко неохотно печатали, потому что подробности жизни царей, деятельности купцов, фабрикантов, духовенства, если их не разоблачали, были нежелательны на страницах газет и журналов. В то время, читая краеведческие очерки, нельзя было разобраться, против ко-

го же вели беспощадную борьбу революционно настроенные рабочие, - правящие классы эксплуататоров были какими-то безликими, просто неопределенной аморфной массой. Писать и рассказывать, разрешалось лишь о декабристах. Кроме этого, Иван Михайлович поражал слушателей особыми, личностными воспоминаниями про ту или иную знаменитость, с которыми был знаком, дружил, а с некоторыми запросто пил водку. Многих из них нельзя было даже вспоминать, а Скуленко говорил о них с какой-то особой душевной интонацией, с присущей ему живостью. Так на вопрос, я повторяю, - это было в 1982 году, о злополучном собирателе украинской старины Павле Потоцком, он подробно рассказал о том, как бесценные предметы его собрания уничтожали и разворовывали в фондах Печерского государственного заповедника в конце 1930-х годов. Скуленко единственный, кто мог разобраться в судьбе коллекции П.Потоцкого, поэтому его в 1960-е годы пригласили в КГБ для консультаций. Дело в том, что племянник Потоцкого через международные организации обратился к правительству СССР, беспокоясь о судьбе этого уникального собрания украинистики. Что касается коллекционера, то Иван Михайлович просто сказал, что Потоцкий умер в машине "органов", так и не доехав до следователя: "А что вы хотите, - обратился он к слушателям, - ему тогда было более 80 лет. Как можно выдержать такое напряжение?". Он тогда не скрывая говорил о варварских взрывах старинных храмов. У нас был слушатель, которого интересовал только один вопрос: "Кто взорвал Михайловский собор?". В 1980-м году обсуждение этого вопроса могло послужить причиной закрытия клуба, а он был в городе единственным с историческим уклоном. Поэтому вторую опасную попытку: "Так все-таки, кто же...", - этого настырного слушателя, я прервал, заявив, что, задав вопрос, надо вначале говорить фамилию. Вопросающий замялся, и после этого я его больше не видел! А киевоведы собирались и далее.

Сам Иван Михайлович при светлом разуме прожил 89 лет, не теряя трудоспособности. Может и потому, что ежедневно любил выпить свои 100 грамм. Мне, начинающему экскурсоводу, неоднократно внушал: "Зачем ты едешь в Чернигов? Лучше бы водил по Киеву. Ксения Иосифовна мне готовит два бутерброда. Я выпиваю после первой экскурсии и заедаю одним, потом следующим, после второй". А любимое место старого знатока киевских "старожитностей" - "Рюмочная", что находилась на площади Богдана Хмельницкого до "горбачевских" притеснений. Там любили собираться ветераны туризма. За 40 лет нашего общения, я никогда не видел его "напідпитку", так как меру он знал. А однажды, когда ему было уже за 80, на мое приветствие он грустно ответил: "Мне врачи запретили пить". А я ему, в шутку: "Чего я тогда пришел!?"

Родился Иван Михайлович 1 июня 1901 года в селе Довыдовка (ныне Пириятинский район) Полтавской области, в семье крестьянина-батрака. Склонность к рисованию и прикладному искусству, которое проявилось у него с детства, привели в Миргородскую художественно-промышленную школу. Ему тогда было шестнадцать лет. А любовь к музыке сопровождала всю жизнь.

Весной 1918 года в Миргороде на короткое время остановился духовный оркестр войска гетмана П.Скоропадского. В национальной форме юноша марширует городом, воспетым Гоголем, исполняя знакомые с детства народные мелодии. Потом несколько месяцев остается в военной музыкальной команде. А когда потребовали принятия присяги гетману, он возвращается в Миргород. Но участие, пусть музыкальное, в украинской национальной армии значительно попортило ему биографию.

В Миргороде Иван Скуленко играет на валторне в передвижном цирке, а весной 1919 года подает заявление в Красную Армию. Вначале 1-й запасной полк, а с декабря - бронепоезд №33 "Черноморец". Демобилизовавшись в декабре 1920 года, он возвращается домой, вступает в члены КП(б)У, однако через год его исключают "за пассивность".

Напору моего дяди можно только позавидовать. В 1921 г. он поступает на историко-филологический факультет Института народного просвещения (теперь КНУ им.Т.Шевченко). После окончания его назначают научным сотрудником "Всеукраинского музейного городка", так тогда называли Киево-Печерскую Лавру. Одному из наиболее важных комплексов истории и культуры страны власти уделили внимание, и 29 сентября 1926 г. вышло постановление ВУЦВК та РНК УССР "Про визнання колишньої Києво-Печерської Лаври історико-культурним заповідником і про перетворення її на всеукраїнське Музейне містечко".

В Софийском соборе с июля 1919 года существовала община УАПЦ, и настоятелем храма был будущий митрополит - протоиерей Василий Лышківський (1864-1937). Тут же, в помещении бывшей Киевской духовной консистории по ул.Владимирской,24, размещалась Президия Всеукраинского Православного Церковного Совета (ВПЦС), которую возглавлял Александр Мороз (1876-1938). Вообще, на территории подворья бывшего Софийского монастыря одновременно существовало несколько церковных и светских структур, которые, безусловно, сносились между собой: Главархив, музей, с перерывами ученые Софийской комиссии, Старокиевская парафия УАПЦ, помещения, где проживали и сами церковные деятели.

В 1930-е годы единственная возможность спасти храм от уничтожения - это устроить в нем музей и демонстрировать иконы и другие

Иконостас XVIII в. в Софии.
Почтовая карточка 1918 г.

ценные предметы церковного культа. Так во Владимирском соборе создали Атеистическое учреждение. В начале февраля 1934 г. в ГПУ вызвали архиепископа УАПЦ Юрия (Михновского), где ему заявили о закрытии собора для службы. Перед Сретением Господним 15 февраля 1934 г. храм был опечатан, а в официальных изданиях появилось сообщение о преобразовании его в государственный заповедник, причем не в научных, а исключительно в антирелигиозных целях. Вышло постановление народного комиссариата просвещения подписанное В.Затонским, с формулировкой: "Директору Музейного городка Назару Алексеичу Багрию принять Софийский собор от религиозной общины как филиал Музейного городка".

Кроме этого, подчинить Софийскому филиалу, на то время уже отобранную от украинской Автокефальной церкви, Андреевский храм. Директором этой сети филиалов назначили Ивана Михайловича. 5 мая 1934 года был подписан акт о передаче Софийского собора в ведение Музейного городка, а в июле того же года Скуленко становится первым директором историко-архитектурного Софийского заповедника. Иван Михайлович в 1947 г. писал: "После тринадцатилетних хлопот, в конце апреля 1934 года я начал приемку имущества по Софийскому собору от представителей религиозной общины автокефальной церкви, прекратившей свое существование в январе 1934 года. Приемка была закончена в первых числах мая. Софийский заповедник (собор и колокольня с прилегающей территорией), согласно декрета СНК, являлся филиалом Музейного городка и находился в системе НКПроса, а после учреждения комитета по делам искусства, в ведении последнего. Здание собора требовало немедленного ремонта, на который из резервных фондов СНК в 1934 г. были отпущены деньги. В этом же году был произведен ремонт кровли и частичная штукатурка здания. Ремонтными работами руководил инженер Шкаруба М.И."

В то достопамятное время сложилась весьма пикантная ситуация, о которой наши современники даже представления не имеют. Членам ВКП(б) в действующий храм вход был разрешен лишь для исполне-

ния административных или репрессивных мероприятий. Мне как-то, кажется в 1983 году, пришлось завести во Владимирский собор двух чиновников высшего ранга из Москвы. Они вначале проявили заинтересованность, но как только зашли, то “окаменели”, прокручивая в своем мозгу, как им придется объясняться перед своим цеховским начальством. Настоящему партийцу показываться в храме всегда было категорически запрещено! А как им хотелось посмотреть, а что же там? Запретный плод сладок. Так вот, как только София стала заповедником, один за другим руководящие коммунисты - Косиор, Постышев, Шелехес, Затонский, Хвыля - потянулись в него. Теперь, войдя в действующую церковь, не озирались по сторонам, как им приходилось это делать, не дай Бог, кто-то увидит. Но наиболее важным был визит председателя Совнаркома П.Любченка, который дал распоряжение своему помощнику: выделить из резервного фонда 250 тыс.руб. и обеспечить Софию необходимым количеством строительных материалов. Нарком народного просвещения В.Затонский приказал своему заместителю А.Хвыле взять шефство над Киевской Софией, найти соответствующие кадры и подобрать все необходимое.

Отношение правящих коммунистов к этому храму было совсем утилитарным. Они были убеждены, что София должна быть сохранена как памятник - свидетель революционных событий(!!!). На площади (сейчас Богдана Хмельницкого) проходили пролетарские праздники и парады Красной армии, а с Софийской колокольни провозглашали свои речи Сталин, Ворошилов, Коллонтай и много других партийных бонз. Не исключено, что, готовясь высадить в воздух Михайловский и другие храмы, с помощью Софии они организовывали характерную для безбожного режима показуху.

Началось не только инженерно-техническое возрождение древнего храма, но и детальное его изучение, и тщательная реставрация. Была создана комиссия под руководством выдающегося искусствоведа Игоря Грабаря. Энергия, умение объединять людей ради дела, уникальное мастерство общения и организаторский талант Ивана Скуленко, который не забывал, при случае, к месту рассказать забавный анекдот, ускорили возрождение давней святыни. Теперь трудно представить этот настоящий гражданский подвиг Ивана Михайловича, нашедшего средства и проводившего реставрацию храма в то время, когда по всей социалистической стране разрушали все, что напоминало “ганебне минуле”. Кабинет директора размещался с южной стороны в помещении канцелярии. Положенного по рангу отдельного кабинета не было, просто стоял стол, да и сидеть за ним не было времени. Перестроек не де-

ляли, чтобы не повредить стены с живописью XVIII века. К тому же, София стала местом хранения культурных ценностей, свозимых со всех разрушаемых варварами храмов. С обреченного на снос Михайловского собора на второй этаж были перенесены и установлены бесценные мозаики и фрески XII века, которые там демонстрируются и сегодня. Кроме этого, администрации Софийского заповедника приходилось выполнять и другие работы. Так в Софию попали детали из интерьера Успенской церкви, которая известна среди киевлян как Десятинная. Почти так же, буквально на руках, перетащили каменные фрагменты Ирининской церкви XI века. По настоянию Ивана Михайловича была снята кафедра, находившаяся возле левого столпа Софии: «Она была очень старой и не характерной для православных церквей». По указанию властей, все, что представляло художественную ценность, было уничтожено, а драгметаллы сданы в Госбанк. Так было снято центральное, громадных размеров паникадило. Особенно жалко серебряные с позолотой царские врата в иконостасе, заказанные в свое время митрополитом Рафаилом Заборовским и изготовленные мастерами П. Волохом и И. Завадовским в 1747-1754 годах, весившие 114 кг. На протяжении 1935-1937 годов в Софийском соборе было разобрано восемь высокохудожественных барокковых иконостасов работы украинских мастеров XVII-XVIII столетия. Стретинский алтарь был самым пышным, так как до 1888 года являлся средним ярусом главного иконостаса. Его перенесли, чтобы он не закрывал знаменитую Оранту. По злодейскому указанию свыше, все иконостасы Софии после срыва с них позолоты, были порублены и сожжены. Они были гордостью украинской культуры и сохранились лишь на открытках издательства Я. Оренштайна (Коломыя), которые служили иллюстрациями к «Истории украинской культуры» К. Широцкого. Книга не вышла, а открытки появились в 1918 году.

Иван Михайлович, как мог, защищал культурные ценности, хотя это заметного успеха это не принесло, лишь обозлило «воинствующих атеистов».

Во времена расцвета доносов и клеветы успех ближнего, вызывал лютую зависть. Поэтому арест Скуленко 11 июля 1937 года, никого не удивил. Под следствием Иван Михайлович провел более шести месяцев. Главную причину мы узнаем из дела №613: «Скуленко И.М. и Багрий Н.А. изобличены в контрреволюционной троцкистской деятельности, на этом основании Скуленко и Багрий были арестованы 12 июня 1937 г. В связи с получением новых данных Скуленко и Багрий изобличаются как участники вскрытого украинского националистического центра, входили в террористическую группу...». Это было так схоже с обвинениями,

предъявленными Николаю Макаренко и сотням тысяч патриотов Украины. Претензии к И.М.Скуленко были традиционными для того времени: “а/ був активним націоналістом, приєднувався до націоналістичного контрреволюційного угруповання Багрія; б/ разом з Багрієм займався шкідництвом у Музейному містечку”. Назар Алексеевич Багрий - ведущий работник культуры, бывший директор Музейного городка, в Киевском областном управлении НКВД постановлением от 20 ноября 1937 г. приговорен к расстрелу. Термин “шкідництво” был очень распространенным в то время, особенно после злополучного “Шахтинского дела”. Можно предположить, что в сознании киевских чекистов Печерская Лавра и София приравнялись к угольной шахте.

При обыске в квартире 12 июня 1937 года у арестованного было изъято: “книжек разных - 3 шт., разных фотоаппаратов - 3 шт., рукописей - 31 шт.”, а на следующий день на работе: “писем в адрес Скуленко - 3 шт., письмо из Берлина из “Redaktion Minerva”, 2 фотоснимка: конкурс “Индустриализация социализма” и “Собор в Константинополе”, рекомендации от членов партии Пастуха и Нечес П.Ф. для вступления Скуленко в партию - 3 шт.”. Все это вряд ли стало причиной обвинения, но кого в то время это волновало?

Только представьте себе, как “обрабатывали” моего дядю в тюрьме, если 27 июня он собственноручно написал: “Я решил откровенно рассказать о своей контрреволюционной деятельности и связях с контрреволюционными элементами за период с 1930 по день моего ареста, т.е. 12 июня 1937 г.”.

После предъявления такого неотвратимого “жуткого” обвинения, и “признания” заключенного, должны были посыпаться лавиной аресты других “контрреволюционеров” и “националистов”. Но, судя по документам, следователи пошли в отпуск, так как допросы трех работников заповедника проводились только в сентябре. Они не смогли вспомнить какие-нибудь факты “вредительства” директора. С трудом наскребли “доказательства” в том, что “Багрий считал Скуленко одним из лучших работников музгородка”, “что Скуленко не дал уволить с должности сторожа П.Емца, который служил при Софии до и после революции и был членом религиозной общины УАПЦ, оставил его на работе и при заповеднике”. Это тот сторож П.Емец, который указал немцам, в каких местах спрятаны мины, заложенные советскими саперами, а через два года тоже сделал после освобождения Киева. Тем самым спас Софию от разрушительного взрыва. Вот кого нужно отметить памятным знаком!

Все-таки нашлась одна экскурсовод, уволенная Скуленко, которая уж постаралась доложить об “ошибках” своего директора. Она показала,

что кроме "искажения исторических фактов" во время экскурсий, Скуленко контактировал с "националистами": (Н.А.Багрий), заместителем "троцкистом" (С.П.Львович), а также с "попами", у которых покупал исторические книги. Следствие в качестве преступной деятельности вывело факт изучения немецкого языка, не учитывая, что в то время с Германией были особенно дружеские отношения, а немцы, работающие в Киеве, не вылазили из заповедника, восторгаясь древним искусством.

Ивана Михайловича допрашивали 2 раза - 16 и 25 сентября 1937 года. Кроме традиционных биографических данных, дядя отвечал на вопросы по существу отрицательно: "Никогда националистом не был, националистическую работу не проводил, с троцкистами не блокировался", - тем самым отрицая выбитое следователями свое предыдущее заявление.

А вот от так называемого "саботажа" не отказывался. В чем он был, свидетельствуют материалы допроса. Скуленко рассказал, что его и Багрия "вредительская деятельность" заключалась в том, что они, несмотря на смету и выделенные деньги, не преступали к ремонту Софийской колокольни. Ее хотели снести в связи со строительством "правительственного центра". Иван Михайлович писал докладную начальству о планах ее сноса, хотя там не сочли нужным отвечать. Но разве чем-то возможно остановить "машину репрессий"?

11 октября того же года дело Скуленко рассматривала "тройка" Киевского областного управления НКВД УССР. Приведу обвинение: "Следствием установлено, что Скуленко И.М. проводил националистическую пропаганду, протаскивал ее во время лекций экскурсантам, занимался вредительством в Музгородке, выживал советские кадры из музея и наоборот насаждал враждебные элементы, был связан с попами". Засудили его к десяти исправительно-трудовым годам в Бурятии. Что это означало, мы, к сожалению, хорошо понимаем.

Но судьба к Скуленко проявила свою благосклонность. Вскоре после вынесения приговора, Ежова сменил Берия, который для особой популярности захотел продемонстрировать свою "гуманность". Началось временное послабление режима и даже (!) пересмотр приговоров для последующего освобождения. Летом 1939-го дело И.М.Скуленко рассмотрел помощник прокурора Киевской области и внес протест о незаконности ареста и осуждения Ивана Михайловича. Приговор отменили, и его освободили из лагеря. Иван Михайлович вернулся в Киев, где его ждали мать, жена, сыновья Саша и Миша, которому было во время ареста всего пять месяцев. Скуленко назначили ученым секретарем Музея украинского искусства, а с началом войны он оказался в действующей армии. Служил рядовым, разве можно "вра-

га народа”, пусть даже с университетским образованием, назначить, хотя бы сержантом? Все его мысли были о семье, что осталась в Киеве. Не позавидуешь тому, что пришлось пережить жене и детям: вывоз в Германию, бомбардировка в Шепетовке, переход через район активных боев, когда перекрестная стрельба затихала при появлении маленькой, худощавой женщины с двумя детками, переходящей заминированное поле... Вернувшись в Киев, она не могла найти работу... Дам слово ее сыну Михаилу Ивановичу: “Тяжело понять, как нам не удалось умереть с голода в то страшное лихолетье. Маме не давали никакой работы, хотя бы ночным сторожем или уборщицей. Она, в недалеком прошлом солистка знаменитой хоровой капеллы “Думка”, была согласна на любую черную работу, чтобы уберечь детей от голодной смерти. Маме Ксении говорили: “Разведись с врагом народа - тогда трудоустроим”. Но она, святая душа, не предала любовь к Ивану и от этих изуверженных предложений решительно отказалась. Слава Богу, мы не пошли на улицу с протянутой рукой. Божью ладонь заменил мой дядя, мамин брат Александр, который, являясь одним из руководителей Октябрьской больницы в Киеве, тайком давал нам немного продуктов. Удивительно, что его не арестовали за помощь семье “врага народа”. Немало людей за это заплатились жизнью”. Скорее всего, бдительные граждане просто прозевали, поэтому никто и не донес. Упомянутый мамин брат - мой дедушка Александр Иосифович Киркевич. Я родился, когда он работал в Октябрьской больнице. Не забуду его и тети Ксени маму, получается мою прабабушку Ольгу Ивановну. Ей было уже за 90 лет, но тем не менее она бегала открывать двери из кухни, всегда со словами: “Чего вы стучите, я слышу! Я же не птица, я не могу так быстро бежать!” Отмечу, что это то поколение, которое служит людям и на 9-м десятке своей жизни. Её внук, мой отец, Геннадий Александрович, 1916 года рождения, два раза в неделю, ездил за продуктами через весь город на базар возле станции метро “Лесная”, так как там продукты дешевле?!

Михаил Иванович далее вспоминает: вернувшись с войны, отец погрузился в свои увлечения - исследование истории Киева и коллекционирование почтовых марок. Он не был из числа тех людей, кто увлекается многими вещами. Но, как свойственно однолюбам (не только по отношению к женщинам), своим пристрастиям он отдавался самозабвенно, до изнеможения. Ребенком я мечтал, что папа с войны привезет мне фотоаппарат или даже велосипед. Но в отцовском заплечном мешке солдата были только два альбома с почтовыми марками. Поцарапанный пинцет и потертое увеличительное

стекло, которые и сейчас у нас дома, словно вчера Иван Михайлович положил их на стол”.

После войны Скуленко назначили заместителем директора Музея украинского искусства. Потом должность ученого секретаря Исторического музея, где еще работала смотрительницей сестра его жены Евгения Иосифовна Киркевич.

Уйдя на пенсию в июле 1961 года, Иван Михайлович активно продолжает свое служение Киеву, привлекая все больше и больше членов в ряды истинных рыцарей города. Автор этих строк также принадлежит к их числу. В квартире Скуленко на Стрелецкой улице постоянно находились гости, занимавшиеся реставрацией памятников старины или пожелавшие что-то написать о городе. Их хлебосольно принимал хозяин, ярко и образно рассказывая случаи из жизни или просто анекдоты. Прекрасный рассказчик, внешне похожий на Луи Армстронга, был всегда рад посетителям. Часто до утра раздавался громкий голос Ивана Скуленко, который до хрипоты спорил по поводу того или иного исторического факта. Так было до его переезда на Оболонь, в дом №26 по Озерной улице. Умер Иван Михайлович 13 февраля 1990 года и покойся на Байковом кладбище.

И.М.Скуленко часто вспоминают в Национальном заповеднике “София Киевская”, где в 2001 году провели научную конференцию к 100-летию со дня его рождения. В сборник “Нові дослідження давніх пам’яток Києва” были включены материалы, рассказывающие о жизни и деятельности первого директора заповедника “София Киевская”. Помнят его и киевские экскурсоводы.

Частично опубликовано в сборнике
“Нові дослідження давніх пам’яток Києва”. Киев, 2003 г.